

A man with large, dark, curved horns and a well-groomed hairstyle is the central figure. He is wearing a shiny, purple, long-sleeved jacket with white cuffs and a white shirt underneath. He holds a glowing, blue and silver sword in his right hand, which emits a bright light. The background is a festive Christmas setting with a decorated tree on the left, a wreath on the wall, and a chandelier on the right.

Иви Санс

*Праздник с
пришельцем*

18+

Иви Санс

Праздник с пришельцем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70082260

SelfPub; 2023

Аннотация

Я приехала домой, чтобы отпраздновать Хануку в кругу семьи. Войдя в кухню, я увидела высокого инопланетянина с рогами, упирающимися в потолок. По его словам он прибыл, чтобы спасти мою семью. Я не совсем поняла, от чего надо спасать нас, но вот праздник спасти надо точно. Потому что не знаю, какой спасатель из этого рогатого, но кулинар из него точно никакой.

Содержание

Глава 1.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Иви Санс

Праздник с пришельцем

Глава 1. Голда.

Так быстро, как только могу, я захлопываю дверь, пока зимняя буря не вырвала ее у меня из рук. Я стою совершенно неподвижно, слишком поздно понимая, что хлопанье дверью может привести к моему падению. Десять. Проходит двадцать секунд. Никакого плача. Ура! Я не стала ее будить. Я люблю свою племянницу, но она маленькая хулиганка, когда дело доходит до сна, а мне нужно немного отдохнуть после недели, проведенной на складе.

Знакомая обстановка, удобный бархатный синий диван, деревянный обеденный стол и все книги, стоящие в книжном шкафу от пола до потолка, расслабляют меня. Здесь так много воспоминаний, большинство из них хорошие. Нет ничего лучше, чем приехать домой на каникулы. У всех праздничное настроение, и мама готовит мои любимые блюда.

Конечно, компромисс заключается в решении обычных вопросов и непрошенных комментариев. С кем ты встречаешься? Почему ты не встречаешься? Тебе нужно похудеть.

Вы не поймаете мужчину, одетого подобным образом.

Надеюсь, Сэйди отвлечет ее настолько, что она откажется от обычного допроса. Вопреки убеждениям моей мамы, поиск достойного парня не имеет ничего общего с моим весом, одеждой или работой. Я просто еще не встретила мужчину, который заставил бы меня улыбаться.

Когда я снимаю пальто, до меня доносится восхитительный аромат с кухни, напоминающий о походе. Мои легкие вдыхают чистый лесной воздух с легким привкусом дыма от костра, только более изысканный, более... проникающий до костей. Аромат проникает мне в душу, заставляя все мое тело жаждать чего-то, чего я никогда раньше не пробовала. Я не могу определить, чего именно, но я знаю, что мне это нужно.

Я мысленно пробегаюсь по списку праздничных блюд. Это не латкес, яблочный соус, грудинка, суп с шариками из мацы или любая другая замена, которую готовит мама, когда не может достать нужные ингредиенты. Благодаря папиным связям в правительстве, он обычно приносит домой все, что нужно маме, даже когда еды не хватает. Чего, к счастью, не было с тех пор, как Земля вернула себе свободу два года назад.

Одним быстрым движением я срываю ярко-розовую шапочку и варежки, которые Баббе связала для меня, и мчусь на кухню.

– Мама? Что ты готовишь?

– Это ты, Голда? – кричит моя мама сверху в тот момент, когда моя рука касается кухонной двери.

– У меня был выходной. Чудо на Хануку!

Очень громкий лязг доносится с другой стороны вращающейся двери, ведущей на кухню. Я отступаю. Больше никого не должно быть дома в этот час. Сейчас только десять утра. Рейчел днем в школе, папа никогда не приходит раньше шести, а Баббе придет только завтра.

– Мама? – я поднимаюсь по ступенькам. – Мне кажется, на кухне кто-то есть.

На верхней площадке лестницы появляется моя мама. Она одета в свое длинное черное шерстяное пальто, но держит на руках мою полуголую племянницу, которая извивается в ее объятиях.

– Это Зэн... Или Стэн. Или... О, черт, я не могу вспомнить. Друг твоего отца из земной разведки прислал его помочь с готовкой и уборкой. Все, что нам нужно. У бедняги нет семьи поблизости, и ему нужна помощь, чтобы акклиматизироваться здесь в Гримборо и попрактиковаться в земном языке. Он пробудет здесь неделю. У меня не было возможности поприветствовать его должным образом. Эти чертовы тканевые подгузники не так хороши, как те, что были у нас до войны. Я одела Сэйди и приготовила ее к походу к врачу, а теперь мне нужно переодеть ее наряд.

– Ты хочешь сказать, что оставила дверь открытой и впустила в наш дом незнакомца?

– Не незнакомца. Его прислал твой отец. С Сэйди нелегко. Я не могу все успеть и позаботиться о ней тоже. Я рада, что ты здесь. Я оставляю тебя за главную, пока отвезу ее на прием. Не забудь отполировать менору.

Теперь у меня есть две причины взять менору. Подготовить ее к первой ночи Хануки и поколотить парня на кухне, если он окажется каким-нибудь уродом.

Когда я открываю ящики буфета в столовой в поисках меноры, этот проклятый аромат окутывает меня, вызывая чувство голода, но не от еды. Кое-что еще.

Обхватив пальцами серебряную менору, которую мой дедушка сделал еще в Польше, я на цыпочках прокрадываюсь на кухню, надеясь подсмотреть за незнакомцем, которого моя мама впустила в дом. Что, если это какой-нибудь случайный парень, который обнаружил незапертую дверь и теперь обкрадывает нас вслепую? Не то чтобы мы самая богатая семья в округе, но еда есть еда, и ее не всегда легко достать. Не то чтобы мы прогнали голодного человека. Даже в этом случае люди могут стать жестокими из-за еды.

Когда я прислоняюсь к вращающейся двери, чтобы прислушаться, дверь открывается, и я влетаю на кухню. Я приземляюсь лицом вниз, и менора выскакивает у меня из рук и катится по деревянному полу.

Военные ботинки, большие – какого-то гигантского размера, которого не должно быть, появляются перед моим лицом.

– Позволь мне помочь тебе подняться, женщина.

“Женщина?”

Он протягивает большую синюю руку. Это один из тех моментов, когда можно доверять или не доверять. Я ничего о нем не знаю, и мне следует держаться на расстоянии, но он уже стоит надо мной, терпеливо ожидая. Здесь у него определенно преимущество, но в выражении его лица есть мягкость, которая убеждает меня немного довериться.

Когда я беру его за руку, уголок его рта приподнимается в смеси облегчения и чего-то, что я не могу точно определить. В нем есть честность и цельность, которые пронизывают воздух между нами.

Без особых усилий он поднимает меня на ноги, как будто я ребенок, а не взрослая женщина, которая в прошлом году переборщила с латкесом и до сих пор не избавилась от него. Не то чтобы прошлогоднее празднование повлияло на нынешнее. Все знают, что во время праздников калории не в счет, и я с нетерпением жду пончиков с желе.

Когда я выпрямляюсь, меня поражает чудовищность этого инопланетянина. Его рога – да, настоящие рога! – слегка царапают низкий потолок, пока не загибаются назад. Даже без рогов самец возвышается надо мной. И все же, эти большие, выпуклые мышцы и красивое лицо привлекают мое внимание. Я ловлю себя на том, что мысленно раздеваю его.

Голда! Возьми себя в руки! Инопланетянин. ИНОПЛА-
НЕТЯНИН!

Я прочищаю горло.

– Всего один раз лизнуть.

О Боже, я же не сказала этого вслух, не так ли?

– Лизнуть что? – спрашивает он.

– Ничего! Я думала о... конфетах. Да, конфетах! Вот именно.

– Конфеты?

– Я сладкоежка.

И я бы с удовольствием облизала эту восхитительную конфету, стоящую передо мной, с головы до ног, не оставляя ни одной части нетронутой. На этот раз я держу свои более горячие мысли при себе, хотя мои щеки краснеют.

Я не могу оторвать взгляд. Он самый великолепный мужчина, которого я когда-либо видела. Мускулы покрывают каждый дюйм его тела, напрягаясь под тонкой черной футболкой. Я упоминала, что у этого леденца племенные татуировки на бицепсах? Интересно, где еще у него есть татуировки.

Черт, в этом нет сомнений. Я возбуждена. Достаточно того, что у меня никогда не было серьезных отношений, но я даже не уединяюсь в своей квартире, чтобы, эм, заняться бизнесом. Хуже того! Я стою на кухне своих родителей и фантазирую о парне, о котором ничего не знаю.

– Ой.

– Ой? – повторяет он.

– Это на идише означает "Боже мой".

– Боже мой? Женщина, в твоих словах нет никакого смысла.

– Ты инопланетянин?

Такая остроумная и наблюдательная, Голда! Он, должно быть, думает, что я идиотка.

Мои глаза прикованы к этому красивому лицу с чуть приподнятыми бровями, когда он оценивает меня. Интересно, что он видит, когда смотрит на меня?

Остроумная? Однозначное "нет". Я не могу связать больше четырех слов, не поставив себя в неловкое положение.

Дружелюбная? Едва. Я не представилась и даже не поздоровалась. Я только прокомментировала очевидное. Что он инопланетянин.

Возможно, я получу баллы за наблюдательность.

– С моей точки зрения, – начинает мистер Высокий, – инопланетянка – это ты. Хотя я понимаю твою точку зрения. Я гость в твоём мире.

Теперь уголки его рта приподнимаются. Он флиртует со мной?

Боже, я надеюсь на это.

– Полагаю, ты заблудился. Это кухня моей семьи, а не Департамент по делам инопланетян. Их офис находится где-то в центре города. –

Мой голос дрожит, и не потому, что он потрясающе красив. Ладно, может быть, именно поэтому. На мне мешковатая старая толстовка и джинсы, мои волосы собраны в

неряшливый хвост, и я не нанесла макияж этим утром. Ведь я думала, что сегодня никого не встречу, так как я всего лишь собиралась домой к родителям!

– Вы не миссис Герти-Она-Милая-Хотя-И-Несколько-Сумасшедшая-Женщина Бирнбаум?

Я смеюсь, в основном потому, что он отлично запомнил мою маму. Я не думаю, что он знает, что это не ее имя. Он смотрит на меня прищуренными серебристыми глазами, ожидая ответа.

Боже, помоги мне, у меня на кухне чертовски сексуальный инопланетянин, невольно оскорбляющий мою мать, и я не могу перестать смеяться. Он наклоняет голову, не отрывая взгляда от моего лица.

Он, наверное, думает, что я сумасшедшая. Может быть, так оно и есть, потому что прямо сейчас я подумываю о том, чтобы позволить ему остаться, вместо того чтобы выгонять его. Это Земля после оккупации; единственные инопланетяне здесь – те, кому Департамент по делам инопланетян разрешил здесь находиться.

“Я не миссис Герти – Она-Милая-Хотя-И-Несколько-Сумасшедшая-Женщина Бирнбаум. Это моя мать. Я чертовски возбуждена, Голда, «Которая выставляет себя душой, плясь на инопланетянина Бирнбаума»

Но я этого не говорю. На самом деле, я втягиваю щеки, чтобы не сказать этого, потому что меня так чертовски тянет. Он действительно самый великолепный мужчина, которого

я когда-либо видела.

Когда он слегка наклоняет голову, прядь густых темных волос падает вперед. Моя импульсивная натура находит другой выход, когда я пальцами откидываю назад его волосы. Я случайно задеваю несколько шишек на его голове возле рога. Я бы с удовольствием провела пальцами по его рогу, но я уже вторглась в его личное пространство. Ха! Я вторглась в чужое пространство... Приятная смена обстановки!

Его рога, высокие, величественные и такие же темные, как его волосы, медленно поднимаются, заставляя меня думать о том, что поднимается другая его часть... о чем мне не следует думать. Я отступаю назад, надеясь, что не обидела его.

– Прости. Мне не следовало прикасаться к тебе. Привычка, я полагаю. О чем я говорю? У кого есть привычка зачесывать чьи-то волосы назад? – Я имею в виду, волосы лезли тебе в глаза.

– Не проблема, дочь миссис Герти – Она-Милая-Хотя-И-Несколько-Сумасшедшая-Женщина Бирнбаум.

– Меня зовут Голда. Моя сестра зовет меня Голди или Голдилокс, потому что я люблю лосось и рогалики.

Пожалуйста, кто-нибудь, пристрелите меня или заклейте мне рот скотчем!

Мистер Рогатый ухмыляется, ровно настолько, чтобы заставить меня подпрыгнуть на каблуках. Я так хочу напиться, когда вернусь сегодня домой, потому что если я этого не сделаю, то буду прокручивать в голове все глупости, которые

совершила с тех пор, как встретила этого парня, и я не думаю, что смогу справиться с этими воспоминаниями.

Он подходит ближе ко мне, его огромное тело движется грациозно и целеустремленно.

– Я наслаждаюсь твоими прикосновениями, Голда.

Тот божественный аромат, который я слышала ранее, взрывается вокруг меня. Возможно, я была неправа, преждевременно осуждая его, потому что он, должно быть, чертовски хороший повар. Но когда я оглядываю кухню, я понимаю, что он ничего не приготовил. Откуда исходит этот опьяняющий запах?

Прежде чем мой взгляд устремляется на него, я понимаю, что он – источник.

Ой. Меня не может привлечь инопланетянин. И что еще хуже, это, по крайней мере, второй раз, когда слово "Мой" приходит мне в голову, когда я смотрю на него. Боже, помоги мне, у меня на кухне инопланетянин, и я превращаюсь в свою мать!

Я обмахиваюсь веером, пытаюсь остыть и успокоиться. Я не уверена, что на данный момент хуже. Осознание того, что меня привлекает этот красивый инопланетянин, или осознание того, что я должна сообщить своей маме, кого именно она впустила в свой дом.

– Ты в нужном месте... ах... Я не расслышала твоего имени...

– Я его не говорил”.

Несмотря на то, что я сохраняю видимость политкорректности, я ухмыляюсь. Мне нравится он и его чувство юмора, хотя я не совсем уверена, что он шутит.

Инопланетяне, которые прилетают на Землю, всегда знают общий язык. Это единственный язык, на котором говорит большинство людей на Земле, благодаря почти двум десятилетиям правления Коалиции. Но этот парень разговаривал со мной по-английски. Трудно сказать, насколько хорошо он владеет языком, но мне будет интересно узнать.

В двадцать восемь лет я не должна испытывать вожделения к парню, но, видимо, мои гормоны не получили напоминания. Каждая клеточка моего тела разгорается, и я не могу отвести от него глаз. Может быть, я все-таки получу то, что хочу на Хануку в этом году. Потерять свою девственность. Я представляю его завернутым в блестящий красный бант... и ничего больше. Да, я бы с удовольствием развернула его.

Я поднимаю подбородок и делаю медленный, глубокий вдох, пытаюсь справиться с этим как взрослая, какой я и должна быть.

“Давайте начнем сначала. Приятно с вами познакомиться. Я Голда. Младшая дочь миссис Герти-Она-Милая-Хотя-И-Немного-Сумасшедшая-Женщина Бирнбаум. Не то чтобы я была так уж молода. Мне двадцать восемь. Хотя, если спросить мою маму, это практически возраст старой девы. Иногда я клянусь, что ее единственная цель в жизни – выдать меня замуж”.

Все еще болтаешь, Голда!

Обычно я так не болтаю. Это может быть потому, что он пришелец.

На моей кухне.

И он не только чертовски горячий, но и пахнет ооочень вкусно.

Его взгляд медленно скользит по мне, и мои девочки вытягиваются по стойке смирно.

Волна жара распространяется по моей нижней части тела. Я перегреваюсь, а плита даже не включена. Если я в ближайшее время не сниму свитер, я начну потеть. Потеть перед парнем – это не сексуально. Не то, чтобы меня должна волновать сексуальность. Черт возьми, нет. Мои родители никогда бы не позволили мне встречаться с инопланетянином.

Какого черта, Голда Роуз? Ты взрослая! Тебе не нужно их разрешение!

– Сколько тебе лет? – спрашиваю.

– Тридцать один по меркам твоих земных лет.

Подушечки его пальцев скользят по моему предплечью, вызывая покалывание повсюду.

– Все человеческие женщины такие нежные?

Этот сильный жар разливается по моим щекам.

Надела ли я сегодня лифчик? Сегодня день стирки, а это значит, что я решила срезать путь и надела мешковатый свитер.

– Какие-то проблемы, Голда? У тебя красные щеки.

– Я немного перегрелась, вот и все. Это случается, когда я прихожу с холода. Я не ожидала, что у тебя будет так жарко. Я имею в виду кухню! Я не ожидала, что на кухне будет так жарко!

Боже, пожалуйста, я умоляю тебя. Порази меня молнией, чумой... чем угодно. Просто избавь меня от смущения из-за того, что мне больше не придется встречаться с этим великолепным парнем... и без лифчика!

Глава 2.

Стэн.

Эта красавица передо мной совершенно очаровательна. Я не могу до конца понять, что в ней меня пленяет, но я полон решимости выяснить. Несмотря на ее первоначальный страх, когда она обнаружила меня на кухне своей семьи, она противостояла мне и разговаривала со мной как с равным. Это не то, с чем я сталкивался здесь, на Земле.

Коалиция оккупировала эту планету в течение двадцати лет, разрушив не только инфраструктуру. Они лишили женщин их прав даже на предметы первой необходимости, такие как образование и способность защищать себя. Мужчины не уважают своих женщин и не признают их такими, какие они есть. Некоторые знают, но большинство – нет.

У моего народа есть посольство на Земле в городе под названием Нокс. Лидеры Зиан видят в этих людях нечто большее, что мне еще предстоит испытать. Возможно, именно поэтому командер Кеск направила меня в Гримборо.

– Ты можешь называть меня Стен. Я из Зиана, но служу в Гримборо в составе ГР 7.

– ГР 7?

– Галактическая разведка, сектор 7. Основная миссия Галактической разведки – гарантировать, что Коалиция и Груд никогда больше не придут к власти. Сектор 7 защищает свидетелей, жизненно важных для борьбы с Коалицией. Мы координируем свои действия с земной разведкой, когда идентифицируем людей как потенциальных свидетелей или мишени, или нам нужно спрятать свидетеля, не являющегося человеком, на Земле.

– Это очень интересно, даже завораживающе, но это не объясняет, почему вы здесь, в особняке моих родителей.

Мне интересно узнать больше о семье, которая живет здесь, но мои мысли сосредоточены на Голде. В ней есть живость, которая сияет так же сильно, как и ее красивые карие глаза. На ней мешковатый свитер, скрывающий ее фигуру, и я не могу сказать, что она двигается грациозно, но выпуклость ее груди под этим объемным одеянием, ее совершенно божественный аромат и ее сладкая натура манят меня. Мой член уже напрягся в моих штанах. Жесткая, неумолимая ткань, которую люди называют джинсами. Я предпочитаю свободные штаны, которые носят воины зианта, но командир Кеск не раз подчеркивал важность смешивания с людьми, когда это возможно.

– Мне сказали прийти сюда, чтобы помочь вашей семье

всем необходимым на неделю. Мой командир говорит, что мне нужно лучше понимать людей и их культуру. А ты, Голда, какая у тебя профессия?

Она заправляет прядь шелковистых каштановых волос за ухо, румянец на ее щеках становится еще ярче.

– Я работаю в офисе в районе складов компании "Дженкинс и Ко". Я хочу быть социальным работником, но правительство нанимает не так много социальных работников. Начальство не считает это приоритетной работой. Должна сказать, у тебя действительно хороший земной язык, Стэн.

Мое имя слетает с ее губ с чувством. Все, что она говорит, наполнено оптимизмом и уверенностью. Она так отличается от других людей.

– Ты бы предпочла, чтобы я переключился на общий, Зинтан, Тунзен, Кинтан, Банг...

Она поднимает руку, останавливая меня.

– У тебя неплохое образование. И я думаю, что мне повезло.

– В каком смысле?

– Я читаю и пишу по-английски и на общем. Большинство женщин моего возраста тоже не умеют ни читать, ни писать. Я научилась писать и читать до вторжения. После этого у меня были родители и Баббе, которые учили меня математике, естественным наукам... всему, что они знали, даже если это было незаконно.

– Кто такой Баббе?– я представляю себе хорошо сложен-

ного мужчину, обнимающего эту женщину за талию, и мне не нравится этот образ. Нисколько.

Она постукивает пальцем по губам. Красные, сочные губы, контур и цвет которых я ловлю себя на том, что запоминаю. Она тщательно подбирает слова.

– Некоторые сказали бы, что Баббе – бич района, и...

Голда бросается вперед и берет со стойки рядом с раковиной маленькую деревянную коробку, наполненную мыльной водой и несколькими грязными тарелками.

– Извини, я заметила, что кто-то это забыл. Если она упадет в воду, Баббе убьет того, кто ее оставил.

Мне сразу же не нравится этот Баббе. Голда переставляет коробку на другой прилавок, подальше от воды.

– Ты любишь рисковать, – заключаю я из того, что она рассказала мне о своей жизни до сих пор.

– Вряд ли! Но мне нравится, когда все аккуратно и организовано. Это помогает мне хорошо выполнять свою работу. Бухгалтерия и инвентаризация. Хватит обо мне. Моя мама сказала, что ты собираешься помогать здесь.

Когда эта миниатюрная женщина пробегает по мне взглядом, я понимаю, что может пройти некоторое время, прежде чем мой член расслабит. Сосредоточиться на своих задачах здесь было бы лучше для всех.

– Я сделаю все, что от меня потребуется.

То, как она внимательно изучает меня, не отрывая взгляда от моего лица, возвращает меня к моему вступительному со-

беседованию для прохождения военной подготовки. У воинов там также было много вопросов, а именно, как мужчина, происходящий из семьи, состоящей исключительно из женщин, будет жить по строгим правилам и режиму в учебном центре в Изоране на Зиане. Они рассматривали отсутствие у меня отца как недостаток, поскольку большинство отцов обучают своих сыновей базовым навыкам воина, прежде чем они поступят в учебный центр.

– Ты умеешь готовить? – спрашивает Голда, пристально глядя на меня.

Она напоминает мне моего инструктора по оружию, у которого был сверхъестественный способ распознавать, когда человек лжет. Не то чтобы у меня были какие-то причины лгать этой женщине.

– Я поймала и освежевала много куваков в юности. Мне говорили, что способ, которым я готовлю их мясо на открытом огне, превосходит то, что делают другие воины.

Она складывает руки под своими прекрасными грудями и качает головой.

– Думаю, я не повар.

Обычно я не терплю, когда кто-то намекает на то, что я лжец, но ни в выражении ее лица, ни в ее сердце нет никакой злобы.

– Мой командир сказал, что мне нужно лучше понимать людей. Вот почему он назначил меня работать на миссис Гертти – Она-Милая-Хотя-И-Несколько-Сумасшедшая-Женщи-

на Бирнбаум.

Брови Голды приподнимаются.

– Насчет этого... Тебе следует называть ее миссис Бирнбаум. Так короче. Поверь мне, она не обидится.

– Я положусь на вашу проницательность.

Красивые карие глаза расширяются.

– В самом деле? Ты не похож на человека, который подчиняется кому бы то ни было по любой причине. В чем именно заключается твоя работа в ГР7? Я имею в виду, когда ты не играешь в шеф-повара?

– Я охраняю свидетелей. Иногда я проникаю на вражескую территорию, чтобы помочь потенциальному свидетелю сбежать, но обычно это относится к ГР5. Моя основная миссия – обеспечить безопасность свидетеля.

Ее милая улыбка на мгновение исчезает, сменяясь беспокойством.

– Ты здесь, чтобы защитить кого-то из моей семьи, Стэн?

– Нет.

– Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

Она мудро задает вопросы, и, к сожалению, у меня нет возможности доказать ей свою правоту.

– С тех пор как закончилась война, мы не часто видим инопланетян в Гримборо, не говоря уже о нашей кухне.

Я встревожил ее, что не было моей целью.

– Для меня это период обучения. Ничего больше.

Ее глаза расширяются от волнения, которого я не пони-

маю, но это разжигает во мне огонь, которого я не чувствовал много лет. Борьба с Коалицией, пребывание вдали от Зиан и моей семьи, только для того, чтобы быть отправленным на эту далекую планету, со временем измотали меня.

Одним плавным движением я снимаю футболку, которая на мне, чтобы показать ей татуировки воинов на моей груди и бицепсах.

– Воины часто проходят дополнительную подготовку для выполнения любой миссии или задания, которые нам поручают. Мы делаем все, что от нас требуется.

Она очаровательно наклоняет голову. Я вижу, как она думает, анализирует... меня, ситуацию, все. Но она не вооружилась ни одним из ножей, лежащих на столе, и не выгнала меня из дома своей семьи. И при этом она не изрыгала слов невежества и ненависти. Вместо этого на ее круглом лице появляется улыбка, поднимающая ее глубокие карие глаза так, что это согревает меня.

– Что от тебя требуется?

Мелодичность ее голоса и ее улыбка вызывают у меня желание поднять рога вверх, но я заставляю их оставаться неподвижными, несмотря на то, что это требует предельной концентрации. Еще один навык, который мой командир настаивает, чтобы я улучшил.

– Что угодно.

– О, Воин, я думаю, нам нужно поработать над твоим английским.

Я не знаю, что я сказал не так, но мне нравится, как она произносит "воин". С уважением, любопытством и дразнящей ноткой в голосе, которая меня интригует. Хотел бы я знать, о чем она думает. Мои члены дергаются, готовые принять любой вызов, который она мне бросит.

Мои члены дергаются... оба. Этого не может быть! Мой член для удовольствия, да, но не для спаривания. Я замираю, ошеломленный таким развитием событий, и впадаю в панику... чего никогда не должен делать воин. Я переставляю одну ногу, затем другую, пытаюсь привести в порядок свои члены, фактически не прикасаясь к ним в присутствии этой женщины. Узкие брюки, которые носят эти люди, не оставляют места для движения мужских членов. Должно быть, так оно и есть. Поскольку мой член для удовольствия отреагировал на эту стройную женщину, это, должно быть, подтолкнуло мой верхний член. Ничто, кроме как быть с моей шолани, моей половинкой сердца, не пробудит мой член для спаривания.

Глава 3.

Голда.

– Я заставляю тебя нервничать, – говорит Стэн, замечая, что я продолжаю смотреть в сторону кухонной двери.

Моя мама может спуститься в любую минуту. Неудивительно, что я все еще девственница. Мысль о том, что мама ворвется и застучает меня, не позволяет расслабиться рядом с парнем, даже когда все, что я делаю, это разговариваю с

ним.

– Не совсем... Но, ну...ты инопланетянин.

– Ты уже дважды упомянула об этом. Является ли то, что я инопланетянин, проблемой для тебя, женщина?

– Так же, как то, что я женщина, является проблемой для тебя.

Его взгляд медленно скользит по моему телу, посылая мурашки по всему телу. Мои соски твердеют, и внезапно без лифчика я чувствую себя сексуальной, опасной. На краткий миг я больше не та застенчивая женщина, какой являюсь рядом с парнями на складе, где я работаю. Может быть, потому, что все они придурки, которые только заигрывают со мной и относятся ко мне так, будто единственная работа, которая у меня должна быть, – это лежать на спине с раздвинутыми для них ногами. Конечно, не следить за инвентарем и вести бухгалтерию.

– У меня нет проблем с женщинами. Или с людьми.

Он переминается с ноги на ногу. Бедняга выглядит так, будто вот-вот вылезет из этих джинсов, которые должны быть как минимум на размер меньше его крупной фигуры.

– Перестань называть меня женщиной, и у нас не будет проблем.

Получив от него кивок, я поворачиваюсь к коробке с рецептами Баббе и провожу пальцами по карточкам, останавливаясь.

– У меня не было намерения оскорбить тебя, – добавляет

Стэн, когда я поворачиваюсь к нему спиной.

Я разворачиваюсь, забрасывая коробку с рецептами.

– Не обижайся. Помоги мне придумать, что мы будем делать, хорошо?

Я не могу не начать командовать. Мой разум пронесется со скоростью миллион миль в минуту, пытаюсь придумать, как помешать урагану "Гертруда" обрушиться сюда и спугнуть этого огромного небесного пришельца.

Не то чтобы я думала, что его что-то напугает. Но я определенно могу представить, как моя мама выгоняет его из дома своей метлой, как мышь. На самом деле, однажды она так поступила с мальчиком, которого я привела домой. Гналась за ним со своей метлой всю дорогу по улице. Он мне нравился, но мама сказала, что он недостаточно хорош для меня. Оказывается, она была права, но мне было шестнадцать, глупышка, и мы все еще находились под властью Коалиции. Я думала, что встречаться с парнем, который присоединился к Братству, принесет нам пользу. Я был неправ.

Когда я смотрю на Стэна, я задаюсь вопросом, улучшилась ли моя способность судить о людях с годами. Я очень на это надеюсь. Он милый и кажется честным парнем, но у него есть рога. По-настоящему большие рога, вроде тех, из которых делают шофар, в который мы дуем во время осенних праздников.

О боже, область между моими бедрами разгорается. Я слышала, как мои соседки по комнате говорили о минете и

о том, как им это нравится. Представлять себя на коленях перед этим парнем – не лучший способ завязать дружбу.

– Что мы собираемся с этим делать? – его глубокий голос вытаскивает меня и мои мысли из сточной канавы.

– Скажи, зачем ты здесь, – спрашиваю я без обиняков. – У нас здесь не может быть инопланетян.

– Мне приказано выполнять задания для твоей семьи. Я постучал в дверь, и твоя мать приказала мне войти и проследовать на кухню готовить.

– У моей мамы манера отдавать приказы, как будто она служит в армии.

– Из нее получился бы превосходный командир.

– Ты и половины не знаешь. Между ней и Баббе у меня здесь не так много свободы. Вот почему я сняла квартиру. Технически, я делю ее с четырьмя другими женщинами. Но это все равно свобода по сравнению с жизнью здесь.

Его брови сходятся на переносице. Вероятно, потому, что я болтаю. Бедняге не следовало бы выслушивать мою болтовню.

– Ты сказал, кто-то приказал тебе прийти сюда?”

– Мой командир. Он дает мне еще один шанс проявить себя. Командир Кеск предупредил меня, чтобы я вел себя наилучшим образом и не оскорблял людей, пока я здесь. Или занимался сексом на публике.

У меня отвисает челюсть.

Стэн кладет толстый палец мне под подбородок и сжимает

челюсть.

– У меня была такая же реакция, когда командер Кеск процитировала это правило. Является ли публичный секс привилегией, зарезервированной для людей на Земле?

– Определенно нет. Я имею в виду, нет, это не предназначено для людей. . . Я имею в виду, никто не должен заниматься публичным сексом, ни люди, ни инопланетяне. Даже не предлагай иного в присутствии моих родителей или Баббе.

– Этот Баббе, похоже, грозный противник.

– Сотня фунтов слюны и огня.

– Просто крутой парень. Баббе будет здесь завтра вечером на ужине.

Стэн достает нож из разделочной доски на прилавке.

– Я готов.

Меня так и подмывает спросить, не предпочел бы он использовать овощечистку для картофеля, но он выглядит более комфортно с этим ножом в руке. Что заставляет меня задуматься о том, как мне следует использовать его на кухне.

Мой взгляд устремляется к центральному острову, который достаточно прочен, чтобы выдержать мой вес. Боже, помоги мне, мои мысли постоянно возвращаются к сточной канаве, готовые обосноваться там на постоянное жительство. Это вина Стэна за то, что он потрясающе красив и упомянул публичный секс.

Я лезу в ящик стола и достаю скалку.

– Нам лучше начать готовить. Начнем с латкес. Их до-

статочно легко разогреть на следующий день. Завтра нужно приготовить на одно блюдо меньше.

– Латкес?

– Картофельные оладьи. Они вкусные. И неаккуратные. Что напоминает мне... Фартуки!

Глава 4.

Стэн.

Пока Голда роется в ящике, заполненном тканью, я наблюдаю за ее стройным задом. Мысли, проносающиеся в моей голове, неуместны, особенно во время работы. Хотя в мои обычные обязанности не входит приготовление пищи, я здесь для того, чтобы общаться с людьми и узнавать о них и их запутанных привычках.

И мой чертов член продолжает прижиматься к этим штанам, которые, как я теперь убежден, были созданы для того, чтобы мучить мужчин. Как люди мирятся с такой тесной тканью? Так ли женщины здесь борются против мужчин, которые их угнетают? Мне придется следить за собой рядом с Голдой, поскольку она не только красива, но и умна.

– Вот, нашла! – она вскакивает на ноги с белой тканью в руке.

– Что это?

– Фартук. Все повара носят его. По крайней мере, самые умные.

– Униформа?

Она очаровательно наклоняет голову.

– Думаю, это можно назвать и так.

– Если я надену это, мне можно остаться? Чтобы пройти обучение?

– Я тебя прикрою. И с фартуком, и с тем, чтобы убедить мою мать не выбрасывать тебя, как только она увидит, что ты инопланетянин.

Голда замолкает. Ее милая улыбка исчезает, на лице отражается беспокойство, но затем она подпрыгивает на каблуках, вздергивает подбородок и говорит:

– Ты один из хороших парней, как мы говорим. Иначе Департамент по инопланетянам не позволил бы тебе приземлиться. Это все, что имеет значение. Я разберусь со своей мамой, если она будет возражать против твоего присутствия здесь. Она назначила меня ответственной за приготовление пищи, и я приму любую помощь, которую смогу получить.

– Да, командир.

Я опускаю голову. У моего народа нет такого приветствия, как у земных военных.

Эта женщина берет управление в свои руки быстро и решительно, как любой командир, которого я когда-либо знал. Так что, на мой взгляд, название подходит.

– Фартук необходим, чтобы не испачкать одежду. Работа с маслом может привести к беспорядку.

– Вы готовите на той же энергии, что и ваши наземные транспортные средства?

– Растительное масло, глупый. Не автомобильное. Латкес

несложно приготовить, но они разбрызгиваются, когда мы их обжариваем.

Она держит в руках белый материал, который выглядит как половина бартаха, традиционного платья, которое женщины зианта носят дома. И когда я говорю "половина", я имею в виду, что это платье никоим образом не покрывает обе стороны этой женщины. Если она наденет его спереди, то ее зад не будет прикрыт, не то чтобы я возражал против образа. С другой стороны, прикрывая спину и задницу, она полностью обнажит переднюю часть. В любом случае, довольно соблазнительно.

Я не должен представлять себе такие вещи, особенно учитывая, что мой член для удовольствия легко возбуждается этой женщиной. Я поднимаю одну ногу, затем другую, пытаюсь поудобнее устроиться в этих обтягивающих брюках, не привлекая внимания к своей эрекции.

Она бросает мне фартук.

– Это твой.

Когда я хватаю тонкую полуодежду, передо мной встает дилемма. Как мне носить эту скудную ткань, не нарушая правил, установленных моим командиром?

Три правила нашего отдела: Во-первых, ты делаешь все, чтобы защитить своего свидетеля. Во-вторых, ты всегда помнишь о своей воинской подготовке. И, в-третьих, никакого публичного секса, даже если это с твоей парой.

Второе правило включает в себя то, что воин должен вести

себя с честью и достоинством. Эта одежда не выглядит достойной. Интересно, не из-за такой ли одежды мой командир ввел третье правило о запрете публичного секса. У нас на Зиане не принято заниматься сексом публично. Голда сказала, что здесь это тоже неприемлемо, или она имела в виду, потому что я не ее пара?

Ее супруг... Мне не противна эта идея.

Но я здесь не для того, чтобы найти себе пару. Я пробыв в этом доме меньше тридцати минут и уже понимаю, что мне многое предстоит узнать о людях. И не только о правилах их культуры, но и о том, как они думают и общаются.

С тех пор как я прибыл на Землю две недели назад, я стал кивался в основном со страхом и ненавистью. Голда не проявляет ни того, ни другого, но у людей нет рогов, как у зианфанов, что затрудняет чтение языка их тела. Зианцы многое передают положением наших рогов и тем, как быстро мы ими двигаем. Что касается людей, я должен больше полагаться на выражение лица.

И эта самка довольно выразительна. Ее глаза не просто следят за мной с любопытством; они сужаются и расширяются с различными интервалами. По крайней мере, я могу заметить изменения ее цвета. Разница в два оттенка у большинства видов отражает что угодно – от легкой озабоченности до удивления. Изменение цвета лица существа обычно указывает на смущение или волнение.

– У тебя есть пара, Голда Бирнбаум?

– Зови меня Голда. Или командер, – добавляет она, приподнимая уголки губ.

Да, она довольно проницательна. И очаровательна. Я с удовольствием буду принимать от нее заказы.

– Значит ли это, что у тебя нет пары? – я повторяю свой вопрос. Я особенно осторожен с ней, так как никоим образом не хочу разозлить её пару.

Она указывает на четвертый палец на своей левой руке. Я ничего там не вижу. Возможно, она предлагает мне какое-нибудь занятие? Такое, в котором задействован только один палец. Я могу придумать несколько.

– Почему ты ухмыляешься, Стэн?

– Я думал о доме.

Я не хочу лгать ей, но я не думаю, что она хочет слышать, как я буду ласкать ее пальцами. И своим языком. И моим...

– Похож ли Зиан на Землю?

– В чем-то. Похожая атмосфера, но трава у нас голубая, и у нас разные животные и продукты. Меня сбивает с толку здешняя культура.

– Я уверена, ты к этому привыкнешь. И нет, я не замужем.

Я начинаю улыбаться и тут же возвращаю улыбку обратно. Мое воображение ввело меня в заблуждение. Нехорошо для воина, особенно для человека тридцати одного года.

– Нам лучше начать готовить, иначе мы никогда не успеем приготовить ужин вовремя. – она похлопывает по белой салфетке, которую я сжимаю. – Надень фартук, Воин. Ты не

можешь готовить в таком виде.

Я могу и делал это много раз, но я не противоречу ей. Я гость в ее доме, и технически она мой учитель. Неуважение к учителю плохо отразилось бы на мне или воинах зианта в целом.

Когда я разворачиваю ткань, завязки распускаются с верхней части узкого квадрата ткани. Более длинные и толстые завязки выходят из середины следующего более широкого квадрата. Ни в одной секции не хватает материала, чтобы одновременно прикрыть мой член и задницу.

– А это мое, – говорит она, протягивая ткань вдвое меньше той, что она мне дала.

Когда я разворачиваю фартук, я вижу слово "БОЛЬШОЙ", за которым следует "ЕЩЕ БОЛЬШЕ", оба напечатаны крупным красным шрифтом.

– Извини за недостаток воображения. Я сшила этот фартук, когда мне было пять лет и я только училась читать и писать.

– Эта форма мало что прикроет.

– Этого будет достаточно. Доверься мне.

Когда она говорит, что я должен доверять ей, я доверяю. Одно это меня удивляет. Доверие нелегко дается любому воину. Мы склонны доверять только тем, с кем сражаемся бок о бок. И, конечно, партнеру. Но Голда не является ни тем, ни другим.

– Голда, мы готовы уходить. Как там дела? – кричит ее

мать из гостиной.

– Я показываю Стэну, где что лежит.

– Я переставила миксер с тех пор, как ты была здесь в последний раз. Ты никогда его не найдешь. Дай мне секунду, чтобы положить Сэйди в коляску, а потом я покажу тебе.

Глаза Голды расширяются от паники.

– Оставайся здесь, – приказывает она и вбегает в кухонную дверь, как передовой разведчик, решивший оценить опасность впереди и защитить свою команду. Это заставляет меня задуматься, почему она работает на складе. С ее предусмотрительностью и быстрым принятием решений она бы преуспела в качестве разведчика. Как бы мне ни было любопытно узнать о ее матери, мне были даны указания. Я поднимаю фартук, пытаюсь разобраться в этом. Я воин, который обезвреживал бомбы и пробирался во вражеские лагерь. Этот образец ткани не станет моим поражением...

Глава 5.

Голда.

О Боже! Я не могу позволить маме все испортить. Я только начинаю узнавать Стэна. Если она войдет сюда, то прогонит его.

Я вылетаю из кухни и вижу, как мама снимает пальто. Сэйди уже укутана в зимнюю накидку и лежит в коляске, готовая к прогулке.

– Я отнесу коляску вниз по ступенькам, мама.

– Мне нужно показать тебе, где миксер.

– Я найду сама. Это миксер, а не крошечная сережка, которая может провалиться между трещинами в полу и исчезнуть. Кроме того, я не буду готовить тесто для пончиков до завтра. Сегодня латкес и яблочный соус, верно?

Мы всегда готовим несколько блюд за день до Хануки, чтобы распределить работу.

Мама смотрит на меня. Я никогда не пойму, как она может быть такой тупой в некоторых вещах и все же видеть меня насквозь, когда я пытаюсь манипулировать ею. В два шага я подхватываю коляску и направляюсь к входной двери. У нее нет выбора, кроме как следовать за мной.

После того, как я ставлю коляску на тротуар, я целую ребенка, а затем маму. – По крайней мере, сегодня не очень холодно. Иди не торопясь, сегодня гололеда.

– Я прожил здесь всю свою жизнь. Я знаю, как ходить по снегу и льду.

– Да, мама.

– И не перечь мне.

Я открываю рот, чтобы возразить, но не хочу, чтобы это переросло в драку.

– Мне жаль.

Она целует меня в щеку.

– Возвращайся в дом, а то простудишься.

Хм, теперь есть мысль. Если я простужусь, может быть, какой-нибудь инопланетянин согреет меня.

Когда я поднимаюсь по ступенькам, моя мама напевает

колыбельную Сэйди, и они уходят. Я жду снаружи еще минуту, чтобы убедиться, что она внезапно не обернется под предлогом, что она что-то забыла. Я бы хотел поближе познакомиться со Стэном без того, чтобы она врывалась и все портила.

Оказавшись внутри, я запираю дверь и стряхиваю с себя снежинки, пока они не растаяли. Сейчас идеальный шанс немного привести себя в порядок. Я держу здесь кое-какую одежду на случай, если приеду в гости. Я мчусь наверх, в свою старую спальню, быстро снимаю свитер, надеваю лифчик и переодеваюсь в светло-зеленую рубашку на пуговицах. Провожу щеткой по всем своим спутанным волосам, затем собираю их в аккуратный конский хвост.

Мне не терпится продолжить со Стэно с того места, на котором я остановилась, но вместо того, чтобы бежать на кухню, я заставляю себя спуститься по лестнице, как подобает леди. Голос моей мамы звучит у меня в голове, влияя на меня, хотя ее здесь нет.

Когда я кладу руку на кухонную дверь, мне требуется мгновение, чтобы успокоиться. Мое сердце трепещет, и калейдоскоп бабочек заполнил мой желудок. Один, последний, глубокий вдох, чтобы успокоиться, и я открываю дверь.

И замираю.

– Ты голый! – кричу я, не в силах оторвать глаз от открывшегося передо мной зрелища.

Высоко подняв рога, Стэн стоит посреди кухни совершен-

но голый, если не считать фартука. Завязки фартука свисают с его задницы поверх великолепных тугих булочек. У меня на кухне и раньше были булочки, но ничего так не хотелось замесить, как эту восхитительную мякоть.

Когда он поворачивается ко мне лицом, я волнуюсь, что спереди на нем ничего не будет, но это фартук, так что, по крайней мере, он будет прикрыт... там.

– На мне форма, которую ты дал мне для готовки. Я неправильно ее надел?

– Д-да!

– Тогда я сниму его, и ты покажешь, как правильно это надевать.

Он тянется назад, чтобы развязать фартук...

Глава 6.

Стэн.

– Нет! – кричит Голда, протягивая одну руку, а другой прикрывая глаза. – Не раздевайся!

Когда Голда вышла из кухни, чтобы поговорить со своей матерью, я быстро расстегнул молнию на джинсах, подвергая существенному риску свой член. Я не хотел медлить с выполнением ее указаний. Произвести впечатление на эту женщину своей способностью выполнять приказы по какой-то причине кажется первостепенным. Бесконечно большим, чем необходимость произвести впечатление на командера Кеска.

Однако я должен сдерживать себя, потому что Земля та-

ит в себе опасности, некоторые из них совсем небольшие, такие как молния на джинсах, которые я ношу, чтобы сливаться с человеческим населением. Эти металлические зубы напоминают мне о вискаре, который не отпускает, как только укусит. К счастью, на этот раз молния расстегнулась, не сопротивляясь мне. После нескольких мучительных часов в джинсовой одежде, в которую я начинаю верить, что это не изобретение человека, а орудие пыток, созданное Коалицией, я ценю, что кулинарная форма свободно прикрывает тело, хотя и не прикрывает мою задницу.

– Что ты делаешь? – румянец на щеках Голды становится впечатляющим.

– Я сниму фартук, чтобы ты могла продемонстрировать, как мне правильно его носить.

– Но ты голый!

Я опускаю взгляд. Хотя мой член для удовольствия натягивает мягкую ткань, я прикрыт.

– Я не голый. Пока нет.

Она тяжело сглатывает, ее горло соблазнительно изгибается. Я загипнотизирован и представляю, как она глотает больше, чем воздух.

– Повернись, – говорит она.

Прекрасно понимая, что моя голая задница каким-то образом причинила страдания этой женщине, я все равно делаю, как она приказывает.

– Я могу... – она кашляет – ...увидеть твои... гм... ягоди-

цы.

– Ягодицы? Я не знаю этого слова.

– Зад. Большая ягодичная мышца. Круп. Задница... не путать с девушкой, живущей дальше по улице. Ягодицы. Что-нибудь из этого тебе напоминает?

Я поворачиваю голову, поворачивая правое ухо к передней части дома. “Я не слышу никаких колокольчиков.

Она смеется, и этот беззаботный и радостный звук поднимает мне настроение. Слишком легко эта женщина отвлекает меня от моих целей, которые на данный момент включают в себя изучение значения слова тушенка и того, как правильно надевать форму для приготовления пищи. Исправление моего поведения имеет наивысший приоритет, если я хочу остаться с этой женщиной. Если я послушаюсь, она может отослать меня прочь. Не то, чтобы я боялся того, что скажет командер Кеск, но я не хочу покидать эту женщину. Она... заставляет меня улыбаться.

Прежде чем поддаться соблазну этой женщины, я прячу руки за спину... и ударяюсь о голую плоть, поскольку фартук прикрывает меня только спереди. Внезапно я понимаю, что она пыталась мне сказать.

У людей слишком много слов для обозначения части тела, которая является общей для большей части Вселенной. Хотя, должен сказать, мне нравятся ее методы обучения. Мой член тоже одобряет, приподнимая перед фартука. Ее взгляд следует за моим туда, где слово "БОЛЬШОЙ" накладывается

на мой возбужденный член.

Она прикрывает рот, стараясь не рассмеяться. Не такой реакции я ожидаю, когда женщина замечает мой интерес, но я уже знаю, что допустил ошибку, надев этот фартук.

– Может, мне перевернуть фартук?

– Нет! – ее рука накрывает мою, не давая мне развязать завязки на талии.

Ее прикосновение напоминает мне шелк. Мягкое, но сильное, и это воздействует на меня так, как я не ожидал. Мои рога поднимаются, а за ними и другие части меня.

Этого не может быть! Половой член зианта поднимается только для своей пары. Голда не может быть моей парой. Она человек. Это, должно быть, последствие долгого ношения тесных джинсов. Переодевание решит проблему, но меня пугает мысль снова облачиться в человеческие штаны. Они не были рассчитаны на мужчину с двумя членами.

Когда командер посоветовал мне одеваться как люди, я, возможно, неправильно понял. Теперь, когда я припоминаю, на нем были удобные штаны воина зианта, а не джинсы.

Мне нужно отвлечься, что-то, что отвлечет мои мысли от прекрасной женщины, чьи глаза полны жизни.

– Возможно, тебе следует продемонстрировать мне, как пользоваться фартуком, командер.

Уголки ее рта снова приподнимаются. Ей нравится, когда я называю ее командиром. Мне придется быть осторожным и не называть ее так при ком-либо еще.

– Хорошо, Стэн. Давай начнем сначала. Смотри на меня.

Она берет завязки от другого фартука и оборачивает их вокруг своей прелестной талии, чтобы завязать сзади.

– Фартук идет поверх твоей одежды. Видишь? Чтобы твоя одежда не испортилась.

Я вижу свою ошибку и ловлю себя на том, что завидую этому фартуку, который так красиво облегает ее фигуру. Мне следовало с самого начала попросить продемонстрировать.

– Спасибо, что объяснила.

Может быть, я тяну время, потому что мне придется снова надеть штаны, но это желание пофлиртовать с ней слишком велико, слишком давит. Я хочу снова услышать ее смех и увидеть ее улыбку, и я знаю, как это сделать.

– Чтобы внести ясность, ты хочешь, чтобы я снова надел свою одежду?

– Да.

– Так прохладнее.

– Держу пари, что так и есть.

На ее лице появляется легкая улыбка, но затем ее взгляд устремляется к двери.

– Моя мама не поймет, и я понятия не имею, когда она вернется. Мне все еще нужно убедить ее, что присутствие здесь инопланетянина – это нормально, и это будет проще, если на тебе будет одежда.

– Очень хорошо, я надену брюки.

Когда я развязываю фартук и снимаю его, она поворачивается ко мне спиной. Я предполагаю, чтобы оставить меня наедине. Я поставил ее в неловкое положение, чего не было в моих намерениях.

– Мой командир поручил мне помогать в доме твоих родителей, чтобы я узнала о людях и их обычаях, – говорю я, одеваясь.

– Сомневаюсь, что изучение фартуков спасет свидетеля.

– Мелкие детали часто являются ключом к успеху. Я одет. Можешь повернуться.

Бросив быстрый взгляд, она указывает на ширинку.

– Можешь застегнуть молнию.

– Нет, я не могу.

На этот раз, когда она опускает глаза, она замечает выпуклость. “О!”

Лицо Голды становится краснее, чем у кенты в жару. Она прикусывает губу, еще раз бросает взгляд на дверь, затем прижимает фартук к моей груди, проскальзывая за мою спину, чтобы завязать его сзади.

Передняя часть фартука опускается достаточно низко, чтобы прикрыть мои выпуклости, торчащие сквозь частично расстегнутую молнию.

Ее прелестные груди прижимаются к тонкой зеленой рубашке, которую она носит, когда она завязывает верхнюю часть фартука вокруг моей шеи. У меня слюнки текут, но я воздерживаюсь от облизывания губ. Или чего-нибудь еще.

Хотя я испытываю искушение. Сильное искушение.

Мой член горит, требуя внимания. Даже если бы от этого зависела моя жизнь, я не смог бы запихнуть его в эти чертовы штаны. Я очень благодарен, что этот фартук прикрывает мою нижнюю половину.

Когда лицо Голды в нескольких дюймах от моего, соблазнительный аромат поражает меня с силой выстрела из бластера. Каждая клеточка моего тела требует, чтобы я притянул ее к себе и наполнил легкие сладким воздухом. Несмотря на мои попытки сопротивляться, ее аромат окутывает меня, напоминая о весеннем цветении сиркани на родине. Сладкий и успокаивающий. Поистине великолепный.

Я никогда не думал, что человек может быть таким пленительным, но Голда – это все, что мужчина хочет видеть в женщине. Она умная, храбрая, терпеливая и красивая. Я готов отдаться ей, хотя она ничего от меня не требовала, кроме как готовить.

– Я думаю, нам стоит начать. Привить тебе навыки приготовления пищи, чтобы моя мама не могла возражать. Хотя не удивляйся, если она найдет причину. Она может быть очень критичной.

– Моя мама такая же. Хотя дома не было шолана, это стало необходимым. Я одна из пятерых, и ей приходилось быть строгой, чтобы поддерживать порядок. Она стала нам и матерью, и отцом.

– Твой отец бросил твою мать ради другой женщины?

Это странный вопрос. Шолан никогда бы не покинул своего шолани ни по какой другой причине, кроме как для защиты своей женщины, детенышей или мира.

– Родственные сердца привязаны друг к другу.

Я стараюсь, чтобы в моем голосе не было обиды, и отвечаю честно, что и вижу в ее прекрасных карих глазах. Честность. Она хочет понять.

– Мой отец погиб, когда грады атаковали его линейный крейсер недалеко от границы коалиции, – говорю я. – Это было до того, как грады вторглись в Зиан.

– Мне очень жаль. Должно быть, это было очень тяжело для всей вашей семьи.

Выражение ее лица растапливает мое сердце. Эта женщина выросла в мире, настолько отличающемся от моего собственного, но ее сердце полно любви. Ее любопытство и непредубежденность освежают, особенно по сравнению с другими людьми, которых я встречал с тех пор, как прибыл на Землю.

– Сколько тебе было лет? – спрашивает она.

– Пять. Я – самый младший. Я не до конца осознавал потерю до тех пор, пока не пришло время готовиться к воинской подготовке. Когда мне исполнилось восемь, моя мать показала мне правильную технику метания ножа, которой научил ее мой отец, но у нее не было ни времени, ни навыков, чтобы научить меня тому, чему другие мужчины учились у своих отцов.

– Она, должно быть, очень гордится тобой.

– Она гордится всеми своими детьми. У моих сестер есть семьи и должности в правительстве, за исключением Лайаны. Она третий руководитель в медицинском центре, но я уверен, что со временем она станет первым руководителем.

– Очень впечатляюще. Похоже, ваша мать проделала потрясающую работу, и вы все были хорошими слушателями. Это, вероятно, помогает при обучении быть воином.

Глава 7.

Голда.

Стэн будет гостить в доме моих родителей целую неделю. Вот и все мои планы остаться здесь на каникулы, похоже, рушатся. Я не думаю, что смогу находиться в одном доме с этим горячим парнем неделю и оставаться девственницей. Не то чтобы я пыталась оставаться девственницей. На самом деле, совсем наоборот. Я хочу быть на том этапе своей жизни, когда у меня будут близкие отношения с парнем, но это должен быть правильный парень.

Я смотрю на этого высокого, великолепного мужчину и задаюсь вопросом, мог ли он быть тем самым единственным. Мой живот трепещет, а соски твердеют. Я могла бы представить себя с ним, но потерять девственность с родителями, живущими напротив, определенно не тот путь.

Чья-то рука касается моей, вырывая меня из моих мыслей и посылая по мне волну удовольствия. Я замираю, но не потому, что боюсь. Если я останусь неподвижной, он может

снова прикоснуться ко мне, а я очень, очень хочу, чтобы он снова прикоснулся ко мне.

– Миссис Бирнбаум посоветовала мне начать готовить семейный ужин на Хануку. Я не знаком с тем, что требуется. Я изучил содержимое вашей кладовой и холодильника и не вижу никакой говядины кувак или киркас, только плоский кусок мяса с толстым слоем жира на нем.

Я поражена тем, насколько он бесстрашен, придя в мир, где все должно быть таким странным по сравнению с тем, что он знает.

– Это грудинка. Мы приготовим ее завтра. Тебе удобно резать?

Он достает четырехдюймовый нож, подбрасывает его в воздух и ловит за рукоять... все это время его глаза не отрываются от меня.

Это так невероятно сексуально. И от его улыбки плавятся трусики. Да и я вся вспыхнула огнем... просто испепелена.

Уголок его рта приподнимается, заставляя мое сердце учащенно биться. Жар заливает мои щеки и верхнюю часть груди. Я бы с удовольствием открыла окно, но сейчас середина зимы. Вместо этого я расстегиваю две верхние пуговицы на рубашке, испытывая искушение продолжить. Стэн нужен мне так же сильно, как воздух, чтобы дышать. На мой взгляд, это звучит глупо, но сейчас моя голова – не та часть меня, которая отвечает за это.

– Я продемонстрирую свои навыки.

Он берет нож за кончик лезвия, отводит руку назад и...бросает...

– Голда, я дома.

Мама открывает кухонную дверь, и свист наполняет мои уши. Нож пролетает через кухню и застревает в дверном косяке, когда она входит.

Мама смотрит на нож, затем на Стэна. Я ожидаю, что она закричит или выбежит из кухни.

Нет, не моя мама. Родившаяся и выросшая в Гримборо, она не только пережила вторжение инопланетян, сохранив в целости всю свою семью, но и делает льва похожим на котенка, когда разозлится. Мама хватается сковороду с плиты и бросается на Стэна.

– Голда, звони в полицию! Достань пистолет!

Пистолет? У нас в доме есть пистолет? С каких пор?

Все происходит как в замедленной съемке, когда моя мама замахивается сковородкой на Стэна с такой силой, что я представляю, как бейсбольный мяч летит на трибуны стадиона "Янки". Мой папа взял меня посмотреть бейсбольный матч, когда мне было пять лет, до вторжения "Града". Только я представляю себе не бейсбольный мяч, а голову с рогами. Мама размахивает сковородкой как профессионал.

С молниеносными рефлексами Стэн поднимает скалку и блокирует сковороду. Треск! Сковорода ударяется о дерево с такой силой, что Стэна выбрасывает в открытый космос, но он остается на месте.

– Женщина, я здесь не для того, чтобы причинить тебе вред.

Кажется, я не могу пошевелить ни ногами, ни ртом. Я знала, что произойдет что-то подобное. Я благодарна, что она не вошла, когда он был полуголым.

Когда она снова замахивается, я кричу:

– Прекрати, мама! Он друг.

Сковорода застывает в воздухе.

– Он инопланетянин! Позвони своему отцу!

– Серьезно, мам? Даже если бы папы не было в городе, мне пришлось бы помчаться к мистеру Каплану и воспользоваться его коммуникатором, чтобы связаться с папиным офисом. Как ты думаешь, злоумышленник будет стоять здесь, притопывая ногой, ожидая, когда папа вернется домой?

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает мама, свирепо глядя на нашего помощника по праздникам.

– Я – Стэн. Мужчина, которому ты велела войти сегодня утром, пока ты ухаживала за детенышем.

Он слегка наклоняет голову, не сводя глаз с моей матери. Он медленно кладет скалку на столешницу. Мы оба смотрим на мою маму, ожидая, когда она отдаст сковородку.

– Ты не Стэн. Стэн – это молодой человек, который останется у нас на неделю.

– Мама, это Стэн. Он был на кухне, когда я пришла сегодня утром.

– Я сказала человек, а не инопланетянин.

– Мой командир разговаривал с мистером Чарльзом Харрингтоном из Департамента по делам инопланетян.

– Это друг Дэвида, – мама опускает сковороду на дюйм.

От ее похвалы я становлюсь выше ростом, позволяя своим рогам высоко подниматься на кухне, почти касаясь низкого потолка.

– Я никогда не позорил своих братьев-воинов, но иногда я не очень хорошо выполняю приказы. Наши инструкторы в Изоране учат нас быть независимыми и работать в команде. Найти баланс между этими двумя вещами может быть непросто. Вот почему я здесь, в Гримборо. Мне нужно проявить себя перед своим командиром. Он приказал мне делать все, что потребует семья Бирнбаум, во время моего пребывания здесь.

– Вы остаетесь здесь? В этом доме?

– Да. На одну неделю.

– Хорошо, – мама чуть успокоилась.

Я протягиваю руку и забираю сковороду из ее рук.

– Стэн здесь, чтобы помочь нам во всем, что нам нужно, а взамен он узнает о человеческих обычаях. Почему бы тебе не взять Сэйди на прогулку к мистеру Каплану и не воспользоваться его коммуникатором, чтобы позвонить папе?

– Я не оставлю тебя наедине с инопланетянином!

– Он же не из Коалиции.

– Ты этого не знаешь!

Я закатываю глаза.

– Конечно, мам. Коалиция проникает на нашу кухню, чтобы узнать секреты наших рецептов. Это поможет им прорвать оборону Земли.

– Не будь такой легкомысленной, Голда Роуз.

– Кто легкомысленный? Я имею в виду, что если они воспользуются рецептом тети Эвелин для приготовления шариков из мацы, то эти штуки будут похожи на свинцовые пушечные ядра. У них может появиться следующее великое оружие для победы в войне!

– Роза? – Стэн прерывает наш разговор. – Если я правильно помню, это земной цветок. Я уверен, что видел его в своем путеводителе, когда изучал Землю. Это прекрасный цветок, хотя и не такой красивый, как Голда.

О, он такой любезный, делает мне комплимент в присутствии моей матери.

В воздухе что-то меняется, как тогда, когда силы коалиции ушли с Земли. Мы могли почувствовать..... черт возьми, мы могли бы попробовать свободу. Прямо сейчас я вижу, как крутятся колесики в голове моей матери.

Она оглядывает его.

Прищуривает глаза.

Оценивая его потенциал.

– Ты думаешь, моя Голда красивая?

Бум! Вот оно что! Тон моей мамы мгновенно меняется с Терминатора на обычную маму, которая хочет, чтобы ее дочь – старая дева – вышла замуж.

Нет, я не собираюсь стоять здесь и смотреть, как моя мама ставит меня в неловкое положение, пытаясь свести меня с ума. Взяв ее за плечи, я разворачиваю ее и мягко выталкиваю за кухонную дверь.

– Иди. Возьми Сэйди на прогулку. Поговори с папой, если хочешь, но уйди с моей кухни, чтобы мы со Стэном могли начать готовить.

– Твоя кухня, юная леди?

– Ты назначила меня главной. Так что, да, моя кухня.

– Хм. Я думаю, я возьму Сэйди на прогулку. Может быть, проведу твоего отца.

Разве я только что этого не сказала?

– Не оставляй беспорядок на моей кухне, Голда Роуз. И надень что-нибудь приличное. – она машет рукой вверх-вниз, охватывая меня всю. – Платье или блузку, в которых ты выглядишь симпатично.

Эти шестеренки не перестают крутиться в голове моей мамы, когда она оценивает высокого симпатичного парня, стоящего в дверях кухни.

– Он здесь всего на неделю. Ладно, мама, иди, проведай папу.

Это должно занять ее на час или два.

Удивительно, как, пока я веду маму к лестнице, чтобы забрать Сэйди, она продолжает говорить так, словно заключила сделку. Бедный парень пришел узнать о людях. Он не понимал, что днем ему придется работать с моей матерью, вос-

питателем и бабушкой, а ночью – свахой.

Я напоминаю себе, что я ее единственный клиент на фронте сватовства, и я никогда не нанимал ее для этой задачи. Тем не менее, она все еще моя мама, а это значит, что у меня есть много практики быть терпеливой.

– Он здесь не для того, чтобы быть обращенным в нашу культуру, мам. Он просто хочет узнать больше о людях. А теперь иди. Нам нужно поработать.

Очевидно, мне нужно больше практиковаться в терпении.

– Ты можешь продолжить наши традиции, Голда. Именно женщина задает тон в доме!

С вздернутым носом моя мама неторопливо поднимается вверх, чтобы забрать мою племянницу. Кризис предотвращен.

Когда я оборачиваюсь, Стэн стоит в дверях кухни и ухмыляется. Я не знаю, о чем он думает, и, честно говоря, я боюсь спрашивать. Надеюсь, он не понял, что мама уже в открытую говорит о браке. Моя мама желает мне добра, но она может быть невыносимой.

Игнорируя милую ухмылку на лице Стэна, я проскальзываю мимо него и захожу на кухню. Ведя себя так, будто ничего странного только что не произошло, я начинаю доставать лук и картошку из кладовки.

– Мне нравится твоя мать, хотя ты ввела меня в заблуждение.

Это меня останавливает. Я много чего умею, но я не лгу-

нья.

– Как так?

– Ты сказала, что имя "Миссис". Бирнбаум было более подходящим. Я полагаю, мистер Харрингтон был прав, когда сказал мне, что ее зовут Миссис. Герти-Она-Милая-Хотя-И-Несколько-Сумасшедшая-Женщина Бирнбаум.

Мне нравится, что у него есть чувство юмора, особенно после того, как моя мама набросилась на него со сковородкой.

– Поверь мне, ты и половины этого не знаешь.

– Она напоминает мне мою мать.

Это выражение тоски на его лице заставляет меня благодарить судьбу за то, что моя семья здесь. Я не могу представить, что нахожусь за тысячи миль от своей семьи или своего мира.

“Ты можешь называть ее мамой, если тебе так легче. По крайней мере, на ту неделю, что ты здесь. Парень, который скучает по своей матери, называет ее мамой... Я думаю, ей бы это понравилось.

– Это хорошее предложение, Голда. Я подумаю над ним.

– Давай начнем, Стэн. Еда не приготовится сама по себе.

Я поставила пакет с картошкой на кухонный островок.

– Твоя мама была неправа. Ты очень хорошенькая, независимо от того, что на тебе надето.

– Спасибо, – говорю я, поворачиваясь к нему спиной.

Принимать комплименты – не моя сильная сторона. И я

получаю их не так уж много, особенно от людей, которых я не знаю.

Я перебираю в кладовке остальные ингредиенты, которые нам понадобятся для латкес и яблочного соуса. Стэн может почистить картошку, а я пока помою яблоки и поставлю на плиту огромную кастрюлю с водой.

Когда я беру кухонную мельницу, чтобы позже измельчить и процедить приготовленные яблоки, я указываю на нож, все еще торчащий в стене.

– Ты определенно умеешь обращаться с ножами, – говорю я.

Стэн вынимает лезвие из деревянной дверной коробки и незаметно засовывает его в ботинок. Почему то, как он обращается с ножом, так чертовски сексуально?

– Спасибо, что не причинил вреда моей маме.

– Я здесь не для того, чтобы причинить кому-либо вред.

– Но она напала на тебя.

– Воин применяет силу только тогда, когда другие меры по сдерживанию противника не работают.

– Мне нравится, что ты такой спокойный и покладистый.

Слова слетают с моих губ прежде, чем я успеваю подумать об этом. Раздача комплиментов, даже основанных на фактах, сорвет мои планы справиться с готовкой, не думая о том, какой красивый и приятный Стэн.

– Чтобы пожарить латкес, тебе понадобится самая большая сковорода, а не та, которой моя мама пыталась тебя

убить, – говорю я.

Прежде, чем я успеваю сказать ему, где найти сковороду, он молниеносно пронесется по кухне и достает самую большую сковороду из нужного шкафчика. Гадать не приходится. Должно быть, он запомнил содержимое каждого ящика до того, как я вошла сюда сегодня утром. Даже если он не знает, как пользоваться всей разнообразной посудой, ему явно нравится изучать свое окружение.

Одну за другой Стэн открывает специи, которые я достала из кладовки, и нюхает их. Он морщит нос.

– Это интересно.

– Это розмарин и тимьян для завтрашнего супа. Нам повезло, что они у нас есть. Часть преимуществ работы на складе. Работники первыми получают поступающие товары. Нам все равно приходится за них платить, но нам не нужно обращаться к посредникам, что снижает затраты. Склад, где я работаю, торгует только упакованными продуктами, ничего свежего, а также одеждой, инструментами и сырьем. Правительство заботится только о технологиях, оставляя медицину на черный рынок, а все остальное – тем, у кого хватает смелости строить бизнес и противостоять Братству. Учитывая его работу, у моего отца есть кое-какие связи в правительстве. Как в том году, когда мама захотела мед. Мед – предмет роскоши, даже больше, чем сахар. Один из папиных друзей разыскал бутылку в нескольких штатах отсюда и отправил ее ближайшим военным транспортом.

– Я читал, что твой отец – ученый, работающий на частную компанию, а не на правительство.

– Его компания выполняет большую работу для правительства. Подожди... где ты о нем прочитал?

– Досье на вашу семью.

– У нас есть досье?

– Обычная процедура. Земная разведка собирает информацию о семьях ученых.

– Да, я должна была догадаться об этом. В наши дни наши лидеры правят в основном страхом, уделяя особое внимание тому, чтобы все лучшее – природные ресурсы, люди, технологии – шло на обеспечение безопасности планеты. Все, что помогает предотвратить очередное вторжение, получает высший приоритет.

– Это единственная причина, по которой ваши лидеры терпимо относятся к нелюдям. Им нужна помощь Галактического разума. Нам здесь рады только до тех пор, пока мы можем приносить пользу. Даже тогда я не верю, что ваш народ доверяет нам. Но это не то, что я говорю другим людям.

– Очень политически мудро с вашей стороны не говорить этого людям, которых вы не знаете. За исключением того, что вы на самом деле не знаете меня, а это значит, что вы рискуете, доверяя мне.

Его рога слегка шевелятся, в то время как остальная часть его тела остается неподвижной, как статуя. Наверное, мне не следовало этого говорить, но тот факт, что он доверяет мне,

согревает меня. Тем не менее, я должен заставить его чувствовать себя желанным гостем. Находиться в новом мире без поддержки поблизости должно быть непросто, даже для воина.

– Я понимаю, почему ты в Галактической разведке. Ты чрезвычайно умен. Ты прошел первую часть теста, – поддразниваю я.

– Тест?

– Неофициальный контрольный список, который мои родители должны составить, чтобы понять, подходит ли парень для того, чтобы жениться на мне.

Не могу поверить, что я только что это сказала! Моей матери пришлось пойти туда и внедрить эту идею в мою голову.

Глаза Стэна расширяются, а его рога закручиваются на макушках.

– Я здесь не для того, чтобы спариваться с тобой.

– Извини! Я этого не говорил! Черт, я сам не знаю, что говорю. Я склонен болтать, когда нервничаю.

– Я заставляю тебя нервничать? – улыбка возвращается на его лицо.

Должна признать, я не хочу, чтобы она исчезала. Он милый и забавный. Да, он заставляет меня нервничать, но в хорошем смысле.

Я сжимаю большой и указательный пальцы вместе, оставляя небольшое пространство между ними.

– Ты такой...

Как мне сказать парню, что он горячий, что он не из моей лиги, особенно когда он кажется таким идеальным? Конечно, к рожкам нужно привыкнуть, но они довольно кокетливы в том, как двигаются вверх и назад, и закручиваются на макушках. Если я правильно его понимаю, это движение связано с его эмоциями. Чем больше я общаюсь со Стэном, тем больше понимаю, насколько он человечен.

– Какой? – спрашивает он.

– Высокий, – я выбрасываю первое прилагательное, которое приходит мне в голову.

Слава Богу, я не сказала "чертовски привлекательный". Я хочу узнать его получше, но я отпугну его, если скажу то, что думаю.

Я плоха во всем, что касается свиданий. И флирт – не моя сильная сторона. Но я не из тех, кто сдается, по крайней мере, когда вижу, что чего-то хочу.

Боже милостивый, Голда, в чем твоя проблема? И на маминой кухне? Она может ворваться сюда в любой момент, снова!

– Высокий рост – преимущество в драке, – говорит Стэн.

Я смотрю на верхнюю полку, туда, куда мой папа положил терку, и теперь понимаю, что высота тоже имеет свои преимущества в приготовлении пищи. Но упрямая часть меня не хочет признавать это и просить помощи у Стэна. Я думаю, это произвольная реакция от работы бок о бок с мужчинами на складе. Проявите хоть каплю слабости, даже попытайтесь

тесь попросить о помощи, и они поверят, что имеют право на оплату. На мой взгляд, в жизни всегда есть выход, просто нужно проявить творческий подход.

Я прочищаю горло:

– Как насчет того, чтобы приготовить латкес?

– Можете дать инструкции?

– Используй средние отверстия вон на той терке, чтобы измельчить картофель, – я указываю на терку в коробке, прежде чем засучить рукава и покопаться в гряде грязной посуды в раковине.

Когда я начинаю мыть посуду после завтрака, я слышу позади себя звук скрежещущей решетки. Я снова улыбаюсь. Он такой спокойный парень, с ним весело.

Когда я оборачиваюсь, Стэн шинкует картошку без кожуры. И он ее не помыл.

– Стой, Стэн! Я полагаю, ты никогда раньше не готовил картошку. Сначала нужно помыть и почистить картошку.

Когда он смотрит на картошку, которую уже нарезал, и хмурится, я добавляю:

– Это моя вина. Я не проинструктировала тебя должным образом.

– Я должен был сообщить тебе об отсутствии у меня опыта в этом вопросе.

– Ты просил инструкций. Я облажалась, а не ты. В любом случае, все в порядке. Мы можем это исправить. И не расстраивайся. Мы привыкаем работать вместе, вот и все. Вот...

Я беру миску с холодной водой и опускаю в нее измельченный картофель:

– В любом случае, нам нужно замочить картофель, чтобы удалить крахмал. Немного грязи еще никому не повредило, верно? Хотя Баббе может не согласиться, так что давайте сохраним этот пропущенный шаг в секрете.

Он хмурится еще сильнее. Стэн так удивительно выразителен.

– Я хочу познакомиться с этим Баббе.

– О, ты познакомишься. Завтра вечером за ужином.

Спина Стэна выпрямляется, и пальцы его правой руки скользят взад-вперед по ножу, висящему у него на поясе. Надеюсь, я не обидела его из-за картофеля. Я забыла, что у меня здесь новичок, по крайней мере, в том, что касается приготовления человеческой пищи.

– Что ты умеешь делать, кроме охоты и метания ножей?

На самом деле мне не нужно, чтобы он готовил. Я могу справиться с этим сама, но я не хочу, чтобы Стэн остался без работы. Если он не умеет готовить, тогда я найду что-нибудь другое, более соответствующее его талантам.

– Я знаю, как выполнять приказы, командир”

О, он такой милый. Мне тоже начинает нравиться это прозвище. Черт, он мне действительно начинает нравиться.

Меня так и подмывает отдать ему заказ, не связанный с приготовлением пищи. Я украдкой бросаю взгляд на его прожорливость. Фартук хорошо прикрывает его. Хотя намеренно

соблазнять парня никогда не было моим коньком, со Стэном я ничего не могу с собой поделаться.

– А-а-а... – кто-то прочищает горло за пределами кухни. – Я сейчас иду на кухню, – громко говорит мама.

Вот почему я не разбираюсь в тонкостях. Мама – ужасный образец для подражания.

– Входи, мам. Мы начинаем латкес.

Дверь приоткрывается, и в нее просовывается голова. Когда она видит, что мы сливаем воду с тертого картофеля, она входит.

– Сэйди спит в коляске. Я оставила сообщение для твоего отца. Он вернется из поездки только завтра, но я поговорила с Чарли. Он уверяет меня, что с Воином Стэном мы в полной безопасности. Поскольку мой муж хотел, чтобы вы спали в нашем доме, вы можете занять старую спальню Голды. Голда, ты будешь спать со мной в моей постели.

Это звучит как хорошая идея, но я не доверяю себе в вопросе находиться в одном доме со Стэном. Его запах сводил меня с ума весь день, и у меня постоянный зуд прикоснуться к нему. Как только я прикоснусь к нему, я не уверена, что смогу остановиться.

– Мне нужно сегодня вечером отметить на работе, мам, так что я останусь у себя.

Интересно, раскусит ли она ложь и заставит ли меня остаться здесь. Если бы она знала, как сильно меня влечет к Стэну, она бы запретила мне оставаться. Я не исключил

возможность переночевать здесь в конце недели...

Глава 8.

Стэн.

Я просыпаюсь от крика детеныша, требующего внимания. На краткий миг мне кажется, что я дома у моей сестры Мэйзы, и ее детеныш будит меня посреди ночи, но это не Зиан.

Еще один крик заставляет меня вскочить на ноги. Я размышляю, стоит ли мне войти в комнату Сэйди и позаботиться о ее безопасности. Это может встревожить миссис Бирнбаум после того, что произошло прошлой ночью. Голда и ее мать съели скромный ужин, который они называли сэндвичами, пока я бродил по окрестностям, определяя наилучшие оборонительные позиции и пути отхода, если в этом возникнет необходимость. Хотя Голда и ее семья не являются свидетелями, находящимися под моей защитой, я все равно буду защищать их ценой своей жизни.

Когда я вернулся с ознакомления с местностью, меня ждала тарелка с большим куском мяса и горькой кореньев, которые они называли морковью и картофелем. Голда сказала, что мне нужно набраться сил на неделю, которую я проведу здесь. Я не уверен, что она имела в виду, поскольку это довольно простое задание.

Прежде чем я успел отведать блюдо, приготовленное Голдой, она ушла на свое рабочее место. Я наблюдал за ней из окна, даже не отвлекаясь на ее прелестный зад, покачивающийся, когда она шла по улице. Я беспокоился за ее безопас-

ность, когда она отважилась выйти в этот город, полный иррациональных и опасных людей.

Миссис Бирнбаум поймала меня за тем, что я наблюдал за Голдой из окна, и спросила, почему я шпионю за ней. Я сказал ей правду, что беспокоюсь о безопасности Голды. Миссис Бирнбаум усмехнулась, сказав, что ее дочь выросла в Гримборо, и это сделало ее достаточно сообразительной, чтобы избегать неприятностей, но она по-прежнему относится ко мне с подозрением. Я проигнорировал свои инстинкты, чтобы догнать Голду и сопроводить ее, и все это для предотвращения недоразумений с ее матерью. Мое поведение беспокоит меня. Я должен оставаться верным себе как воину.

Когда я слышу, как миссис Бирнбаум на другом конце коридора успокаивает малышку, я спускаюсь вниз в поисках занятия, чтобы отвлечься от мыслей о Голде.

– Стэн, – окликает меня миссис Бирнбаум, – угощайся завтраком.

– В данный момент мне не требуется питание, – отвечаю я ей, бездумно расставляя банки с едой в кладовке.

– Не стесняйся. Такому большому парню, как ты, нужна еда. Ты практически чахнешь.

Мое внимание привлекает хихиканье. Я поворачиваюсь и вижу Голду позади себя. Облегчение от того, что она в безопасности, охватывает меня, но я рычу.

– Что случилось, Стэн?

– Мои извинения. Я расстроен из-за себя, а не из-за тебя.

Я не видел, как она вошла. Никто не должен иметь возможности подкрасться ко мне. Я киваю головой глубже, чем обычно, не потому, что мое рычание привело к нарушению этикета, что действительно произошло, а потому, что я действительно не хочу, чтобы Голда думала, что я расстроен из-за нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.